
РИТОРИКА И ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

ВОСКАНЯН А.В.

Историческая преемственность в линии развития от риторики к теории аргументации очевидна. Поэтому основной проблемой, возникающей при соотнесении этих дисциплин, является не поиск абстрактных сходств и различий между ними, но конкретный историко-философский и методологический анализ, определяющий возможность и меру их преемственности. Цель такого анализа – снятие наличного многообразия риторических концепций в теории аргументации. Следовательно, требованием самого материала, а не формальной данью традиции является краткий абрис основных направлений движения риторической мысли, предваряющий ее общетеоретическую оценку.

Истоки риторики теряются в глубинах литургии и ритуала. “Изобретение” ее традиционно связывается с именем Эмпедокла.¹ И все же подлинную историю предмета справедливо начинать с софистов, не только впервые разработавших специфические приемы публичных выступлений (горгиевы фигуры, например), но и сознательно применивших риторический стиль в качестве основополагающего принципа философского мышления.²

Релятивизм софистической мысли, поставивший под сомнение фундаментальную идею единственности истины, искал опоры в силе слова. Логическая доказательность была заменена убедительностью публичной речи. Контрверза “доказательность - убедительность” надолго определила основную отличительную черту риторики, ориентируя ее на роль оппонента и антагониста логики, выступающей в единстве с философией, в качестве ядра и метода последней.

Понятно, что подобная, весьма агрессивная, необязательность риторики не могла вызвать особых симпатий у “серьезных” философов платоновского типа. Негативное отношение самого Платона к софистической риторике общеизвестно – ее развенчанию посвящен знаменитый “Горгий”. Нельзя, однако, не заметить и неоднозначности этой негации, выразившейся в содержательно-философском подходе античной классики к ораторству. Здесь – другая сторона вопроса, также требующая к себе пристального внимания.

Согласно Платону, риторическое убеждение вызывает веру без знания. Последняя сама по себе амбивалентна, поскольку равно может

См.: Античная философия (фрагменты и свидетельства), М., 1940, с. 52, а также Комарова В.Я. К текстологическому анализу античной философии, вып. 1, Л., 1974, с. 11.

См.: Лосев А. Ф. Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости (Античные риторики, М., 1978, с.11).

быть истинной или ложной. Посему и оценка риторики оказывается зависимой от ее содержательного употребления³.

Такая философски наполненная содержательность должна была вывести риторику за ее собственные пределы, превращая в нечто большее, чем являют собой приемы публичной речи. И метаморфоз этот действительно осуществлен Платоном уже в "Федре". Характерно, что исходным здесь оказывается все то же представление о софистической риторике как искусстве обмана. Ведь "...кто собирается обмануть другого, не обманываясь сам, тот должен досконально знать подобие и неподобие всего существующего"⁴, а значит "...кто не знает истины, а гоняется за мнениями, у того искусство речи будет, видимо, смешным и неискusstным"⁵. Знание же "подобного и неподобного" сводится в конечном итоге к "способности охватывать взглядом единое и множественное"⁶, то есть к диалектике⁷.

В результате риторика, без особых препятствий, смыкается с диалектикой, теряя тем самым свою специфическую определенность. Но этого недостаточно. Тут же намечается следующий поворот – на вопрос о своей функции ораторское искусство ответило бы: "Я притязаю вот на что: даже знающий истину не найдет помимо меня средства искусно убеждать"⁸. Таким образом подчеркивается значимость технической стороны риторики. Платон уделяет ей пристальное внимание⁹, хоть и отмечает, что техника сама по себе так же не способна заменить искусство убеждения, как умение настраивать струны – искусство гармонии¹⁰.

Как видим, в работах Платона различаются по крайней мере три понимания риторики: софистический способ построения речей, имеющий целью внушать убеждения, не основанные на знании, диалектический метод рассуждения, являющийся по сути основным инструментом философского постижения истины в платонизме, и совокупность технических приемов словесного выражения, служащего для коммуникативного представления диалектического содержания. Трудность здесь заключается в подвижной неустойчивости перечисленных ипостасей предмета, в мерцании смыслов, заставляющем мыслителя весьма непринужденно переходить "от порицания... к похвале"¹¹ и обратно.

Неизбежны вопросы. Насколько правомерно подобное расширение области ораторского искусства? Имеет ли смысл сохранять название

³ Платон. *Федр*, 260d. Соч. в трех томах, т. 2. М., 1970.

⁴ Там же, 261e.

⁵ Там же, 262c.

⁶ Там же, 266v.

⁷ Ср. Лосев А. Ф. *История античной эстетики. Высокая классика*. М., 1974, с.116.

⁸ Платон. *Федр*, 260d.

⁹ Там же, 266d – 267d.

¹⁰ Там же, 268e.

¹¹ Там же, 265c.

риторики за сферой, традиционно являющейся прерогативой диалектического вообще? И если все же имеет, то зачем снова сужать эту сферу до пределов словесного оформления?

Разобраться во всех этих проблемах невозможно, не учитывая конкретно-исторических особенностей греческого понимания диалектики. Оно же немисливо "...вне эллинского отношения к публичному спору, вне той поистине всенародной жадности до игр ума, без которой софисты были бы заумствовавшимися теоретиками и сам Сократ был бы противным многоречивым резонером"¹². Однако справедливо и то, что "платонизм есть всегда тот или иной метод "Begriffsphilosophie"¹³; поэтому диалектика, по Платону, есть также "...и умение и вообще мыслить логически... и получать искомый предмет в расчлененном, единораздельном виде..."¹⁴.

Казалось бы, речевая стихия и логический метод у Платона должны бы на равных сопрягаться через диалектику. Однако равенство это оказывается неустойчивым. Убедительность речи в основе своей имеет логическое совершенство правильно используемого метода, для которого внешняя структура речи (вступление, изложение и свидетельства, доказательства и т. д.)¹⁵ имеет хоть и важное, но не определяющее значение.

Синкретизм платоновского мышления приводит к парадоксальному выводу: риторика, логика и диалектика, будучи сближены настолько, что временами полностью исчезают друг в друге, остаются внешними и рядоположными по отношению друг к другу. Если диалектика (собственно, единственная известная Платону логика) и становится ораторским искусством, то тем самым она настолько изменяет статус последнего, что делает его несравнимым с риторикой в обычном (софистическом) смысле слова. С другой стороны, сколько бы ни подчеркивалась положительная роль риторической техники, само это снисходительное подчеркивание выдает ее вспомогательный и второстепенный характер.

Именно в этом, весьма специфическом, смысле справедлива характеристика Платона как "антириторического" мыслителя.

Не совпадение с логикой, а взаимодополнительность с ней - единственное условие самостоятельного существования для риторики. Обеспечил его впервые Аристотель, которому для этого понадобилось развести по разным областям логику и диалектику, связав их соответственно с аподиктическим и вероятностным знанием. Сформулированные Аристотелем "необходимые" законы формальной логики легли в основу наиболее достоверного знания - метафизики¹⁶,

¹² Аверинцев С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М., 1977. с. 222.

¹³ Лосев А. Ф. *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М., 1969, с. 152.

¹⁴ Там же, с. 236.

¹⁵ Платон. *Федр*, 266d e.

¹⁶ Аристотель. *Метафизика*, IV 3, 1005в, 15-20 и IV 7, 1011в, 23-24. Соч. в четырех томах, т. I. М., 1976.

оставив диалектике, занимаясь "...той же областью, что и философия...", делать лишь "... попытки исследовать то, что познает философия..."¹⁷. Риторика же, определяемая как "способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета"¹⁸, есть "некоторая часть и подобие диалектики"¹⁹. А это значит, что у Аристотеля, в отличие от Платона, риторика частично, а иногда и полностью, совпадая с диалектикой, никогда не отождествляется с логикой.

Знаменательно, что вероятностный характер риторики у Стагирита вовсе не предполагает субъективности риторического рассуждения. Как диалектика, так и риторика есть "методы для нахождения доказательства"²⁰, а посему и Аристотель принципиально выступает против отождествления риторических приемов с психологическими средствами убеждения, обрушиваясь на авторов, не говорящих "...ни слова по поводу энтимем, которые составляют суть"²¹ доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу; в самом деле: клевета, сострадание, гнев и другие тому подобные движения души относятся не к рассматриваемому судьей делу, а к самому судье"²².

В основе риторических способов рассуждения – пример и энтимема. Греческое выражение *en thymoi* - "то, что находится в уме"²³, призванное обозначить "логическое доказательство, высказанное неполностью, часть которого подразумевается"²⁴, удачно выражает сущность обоих этих риторических приемов - пример представляется Аристотелем как образец неполного наведения (индукции)²⁵, а энтимема в качестве неполного диалектического силлогизма, который сам по себе может следовать как из достоверных, так и (в большинстве случаев) вероятностных посылок²⁶.

Отсутствие достоверности у риторического (диалектического)

¹⁷ Там же, IV 2, 1004в, 22- 26.

¹⁸ Аристотель. Риторика, I 2, 1355в, 25. – *Античные риторика*.

¹⁹ Там же, I 2, 1356а, 30 - 35.

²⁰ Там же.

²¹ В подлиннике – "тело" (*sōma*). – См. Тахо – Годи А. А. *Комментарии*.

Указатели: Аристотель. Риторика. – Античные риторика, с. 293. Как видим, речь идет о структуре риторических средств.

²² Аристотель. Риторика, II, 1354а, 10-20.

²³ См. Тахо – Годи А. А. указ. соч., с. 293.

²⁴ Там же.

²⁵ См. Аристотель. Риторика, I 2, 1357в, 25-30.

²⁶ Там же, I 2, 1357а, 20-35. Подробнее о примере и энтимеме см. там же, 1357б. Нелишне отметить, что современный анализ механизмов возникновения не прямых значений (фигур, тропов, приемов коннотации) подтвердил догадку Аристотеля об имплицитной логической природе риторических фигур. В частности, установлено, что тропы могут быть описаны посредством категорий, используемых для фиксации отношений классического исчисления предикатов в логике. В терминах логики описывается и другой механизм образования непрямого значения – подразумевание, логика которого связана с исчислением высказываний. См.: Тодоров Ц. *Семиотика литературы*. – Семиотика, М., 1983, с. 352-353.

рассуждения компенсируется его содержательностью: “аристотелевская диалектика – это драма живой человеческой мысли, стремящейся к объективной истине не путем однозначных логических операций, а всеми путями, доступными человеческому познанию”²⁷. Соответственно, риторика ориентирована на общие места – “топосы”, позволяющие снять абстрактную беспредметность аподиктических силлогизмов формальной логики в содержательном анализе многообразия вероятностей²⁸.

Уступая формальной логике в точности, диалектика предваряет ее, поскольку представляет собой попытку распространения логического на внелогическую область. “Ибо исходя из начал, свойственных лишь данной науке, нельзя говорить что-нибудь о тех началах, поскольку они первые начала для всех наук. Поэтому их необходимо разбирать на основании правдоподобных положений в каждом отдельном случае, а это есть задача, свойственная диалектике, или наиболее близкая ей”²⁹.

Правда, несколько иначе обстоит дело с “первой философией” Стагирита - метафизикой, исходящей, как это уже отмечалось выше, из непосредственной очевидности логических аксиом. Здесь Аристотель занимает позицию, которую можно было бы назвать рационалистической, если бы не представлялась сомнительной корректность применения этого позднего понятия к античности. Во всяком случае, при попытке обоснования конкретных систем знания, относящихся к отдельным регионам сущего, Аристотель сталкивается с той же трудностью, с которой безуспешно боролся европейский рационализм. Речь идет о невозможности выведения конкретного многообразия позитивных наук (более того – начал этих наук) из априорной всеобщности первоначальных аксиом. Отсюда – необходимость прервать дедуктивно-логические штудии и обратиться к диалектике, которая, невзирая на свой вероятностный характер (скорее – благодаря ему), вдруг становится вровень с формальной логикой, причем топологический силлогизм оказывается “не ниже аподиктического силлогизма, а быть может, даже и выше”³⁰. Но тогда и античная диалектика выглядит почти как диалектика в позднейшем понимании, а вернее сказать: “Отношение между древней “диалектикой” и новой “диалектикой” само диалектично”³¹.

Впрочем, решительное отмежевание Аристотеля от психологизма не помешало ему посвятить большую часть второй книги трактата учению о страстях и нравах³². Если же учесть, какое место занимает

²⁷ Лосев А. Ф. *История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика*, М., 1975, с. 257.

²⁸ См. там же, с. 258-259.

²⁹ Аристотель. *Топика*, I 2, 101a, 35–101 в, 5. Соч. в четырех томах, т. 2, М., 1978.

³⁰ Лосев А. Ф. *История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика*, с. 717.

³¹ Аверинцев С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы*, с. 221.

³² См.: Аристотель. *Риторика*. II 1-17.

в "Риторике" проблема стиля³³, становится очевидным, что несмотря на мощную дистинктивную интенцию Аристотеля, несмотря на его, направленную против Платона, страсть к экспликации и логически непротиворечивым дефинициям, многозначность понимания риторики не снимается полностью. Риторика есть содержательная логика вероятностного рассуждения (именно здесь она совпадает с диалектикой), но она же – метод словесного убеждения, привлекающий для достижения цели абсолютно все возможности речевого общения.

Вообще говоря, эти два понимания предмета не столько противопоставляются, сколько дополняют друг друга, если только риторика, минуя искус софистического и эристического рассуждения, вырастает из диалектики. На этом основании Зенон Критийский, когда его спросили, какая разница между диалектикой и риторикой, сказал, сжавши кулак и опять его разжавши: "Вот какая!", рисуя при помощи сжатия закругленность и краткость диалектики, при помощи же разжатия и распрямления пальцев давая образ пространной риторической способности"³⁴.

Ясно одно – в каком бы своем обличье ни выступала далее риторика: достигнув ли вместе с диалектикой высот содержательного философского метода, или удовлетворяясь скромной ролью "искусства речей", она всегда рассматривается как неизбежный спутник формальной логики – необходимый и равноправный партнер в лучшие свои времена, как досадный и цепкий соперник, неотвязная тень – в худшие. Отношение риторического и логического является универсальным отношением, представляющим *differencia specifica* всех возможных риторик постольку, поскольку возникновение любой риторической концепции связано либо с попытками расширения логики, либо попытками дополнения (а в экстремальных случаях – замещения) ее.

Так задавалась парадигма. История ее трансформаций поражает количественным многообразием. "Необозримое количество риторических трактатов до сих пор не систематизировано и не осознано – до того вся эта риторика разнообразна, изощрена и глубока"³⁵ – это сказано об эллинизме. У истоков эллинистической риторики стоят Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.), Деметрий (I в. до н. э.) и Гермоген (II в. н. э.)³⁶.

Последующее движение идет в двух направлениях: на восток (Византия) и на запад (Рим и Западная Европа).

Византийская традиция, уже со времен литературного собирательства (IX – X вв.) ориентированная на освоение античного наследия,

³³ См. там же, книга III.

³⁴ Эмпирик Секст. Против ученых, II, 7. Соч. в двух томах, т. 2, М., 1976, с. 123.

³⁵ Лосев А. Ф. Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости. - Античные риторики, с. 11.

³⁶ Русские переводы трактатов Дионисия и Деметрия см. в кн. "Античные риторики".

создала непосредственную практическую базу для изучения риторики, сделав ее, наряду с грамматикой и логикой, ведущими предметами школьного образования³⁷. В русле этой традиции сформировались две крупнейшие фигуры византийского искусства красноречия: Иоанн Мавропод и Михаил Пселл. Ораторская политика Иоанна – митрополита Евхаитского предварила плодотворные теоретические изыскания его знаменитого ученика³⁸. Деятельность Константинопольской Патриаршей академии (XII в.) во главе с магистром риторов, назначаемым самим императором³⁹, явилась апогеем развития византийской риторической теории и практики, специфическая особенность которых – в органическом сочетании стройной архитектоники античной логики с “...присущей византийцам вычурностью мысли и фигуральностью выражений, ...игрой и любованием “словом”⁴⁰.

В противовес Византийской империи теологов и книжников, Рим с его реликтами республиканской публичности предоставлял благодатную почву для практического расцвета ораторского искусства, ориентированного на политику и юриспруденцию. Типичный пример римского ратора-практика – Плиний Младший (II-III в. н.э.), адвокат-профессионал, приобретший известность благодаря своим выступлениям в суде центумвиров и Сенате⁴¹. Но даже и непревзойденная вершина, эталон римского красноречия – Цицерон (I в. до н.э.), в конечном итоге только “адвокат и политик”, “стряпчий” (С.С.Аверинцев) с прагматическим образом мыслей, направленных на решение конкретных задач. Именно в древнеримском ораторстве наиболее полно реализовалась судебно-юридическая направленность греческой риторики.

“Последний римлянин” – Северин Боэций (V-VI в.) своими латинскими переводами и комментариями способствовал распространению логических трудов Аристотеля в Средневековой Европе⁴². Дальнейшая судьба риторического искусства “тривиальна” как в прямом, так и в переносном смысле. Вместе с грамматикой и логикой риторика вошла в состав тривиума, предварив двумя веками аналогичную триаду византийской школы, и, несмотря на изощренные схоластические разработки частных, так и осталась “школьной” дисциплиной. Даже спустя тысячелетие знаменитый Петр Рамус (1515–1572), претендовавший на радикальную реформу перипатетической логики и риторики, вынужден был в конце жизни признать, что “является единственным

³⁷ См.: Фрейберг Л. А., Попова Т. В. *Византийская литература эпохи расцвета. IX – XV вв.*, М., с. 34.

³⁸ См.: Пселл Михаил. *О сочетании частей речи и др. произв.* – (Античность и Византия, М., 1975, с. 156-174).

³⁹ См.: Фрейберг Л. А., Попова Т. В. *указ. соч.*, с. 110-111.

⁴⁰ Там же, с. 36.

⁴¹ См.: Сергеенко М. Е. *О Плинии Младшем.* – *Письма Плиния Младшего.* кн. I–XII, М., 1983, с. 275–276.

⁴² См.: Майоров Г. Г. *Формирование средневековой философии. (Латинская патристика, М., 1979, с. 373).*

верным последователем Аристотеля и призван очистить его учение от ошибок, внесенных схоластами⁴³.

Всю историю риторики, начиная с античности вплоть до XVIII столетия, когда эта древняя дисциплина стала утрачивать свое научное значение⁴⁴, можно было бы определить как историю примечаний к Аристотелю. Подобный парафраз известного афоризма вряд ли слишком большая натяжка: если в этом не вся истина, то ощутимый привкус ее, во всяком случае, круг вопросов, заданный Стагиритом, сохранил в течение долгих веков свое проблемное ядро.

Обращение современных теоретиков аргументации к риторике (и прежде всего – к Аристотелю)⁴⁵ вполне закономерно. “Новых риториков” привлекает возможность расширить область рационального за пределы непосредственной очевидности логически достоверного и фактически данного. Ведь всякое доказательство есть сведение к очевидности и всякая очевидность не нуждается в доказательстве – этот вывод Паскаля, сделанный из теории очевидности Декарта, является исходным для “новой риторики”⁴⁶. “В то же время теория аргументации не может быть развита, если каждое доказательство рассматривается как сведение к очевидности. Предмет этой теории – изучение дискурсивной техники, позволяющей вызвать или увеличить согласие (приверженность – *adherence*) ума с тезисом, выдвинутым для принятия”⁴⁷. Таким способом современные теоретики аргументации надеются преодолеть традиционную дихотомию естественнонаучного и гуманитарного, которая “полностью искусственна и противоположна реальному процессу нашего мышления”⁴⁸. По существу, концепция “новой риторики” может быть охарактеризована как очередная попытка разработки специфического метода для гуманитарных наук – метода, своеобразие которого в отношении к естествознанию определяется двумя основными моментами: конвергенцией по дискурсивности и

⁴³ Матвиевская Г. П. *Рамус*, М., 1981, с. 92.

⁴⁴ См.: Гиро П. *Разделы и направления стилистики и их проблематика (Новое в зарубежной лингвистике. Лингвостилистика. Вып. IX, М., 1980, с. 39)*.

⁴⁵ См.: Ch. Perelman. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*, L. - N.-Y., 1963; *Philosophy, Rhetoric and Argumentation*, ed. by M. Natanson and H. W. Johnstone, Jr. 1965 и др. Подробную библиографию по “новой риторике” см.: Брутян Г.А. *Аргументация*, Е., 1984. См. также: Брутян Г.А. *Очерк теории аргументации*, Е., 1992; Агаян П. Ц. *Критический анализ современных буржуазных концепций философской аргументации*, Е., 1987. *Блестящий экскурс в теорию аргументации (Перельман, Тулмин, Кляйн и др.) можно найти у Ю. Хабермаса*. См.: Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*, В. 1., Ffм., 1982, с. 44 – 71. *Настоящий анализ ограничивается точкой зрения основателя направления – Х. Перельмана*.

⁴⁶ См.: Perelman Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*, п. 137.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, с. 136.

дивергенцией по истинности. Ниже будет показано, что оба этих узловых пункта, по крайней мере на принятом авторами уровне рассмотрения, сомнительны по содержанию и нуждаются в дальнейшем изучении и прояснении. При этом нетрудно убедиться, что последующий их анализ необходимо перерастает тесные рамки школы Перельмана, вплотную подводя исследователя к принципиально иным линиям развития, намеченным классической риторикой.

В античной классике риторическое расширение сферы логического предполагало по крайней мере три направления: содержательную логику, разрабатываемую в форме диалектики и топики, теорию стиля и психологическое учение о страстях, основанное на практике публичного, прежде всего судебного, красноречия. В центре внимания теории Х. Перельмана – последний из перечисленных компонентов. “То, что должно быть сохранено из традиционной риторики – это идея аудитории...”⁴⁹. Конкретизируя представление о “мнении”, предполагающее имперсональность аргументируемого дискурса, посредством использования понятия “соотнесения” с сознанием, к которому дискурс обращен, Перельман предлагает строить теорию аргументации как ветвь экспериментальной психологии.

Подобный прагматический подход, основанный на тестировании разных типов аудитории, не является чем-то принципиально новым для существующих концепций аргументации⁵⁰. Однако у Перельмана он претендует на философскую значимость⁵¹, поскольку предлагает логическое основание для различения естественных и общественных наук. Оказывается, что “хороший метод – не смешивать вначале аспекты мышления, связанные с истиной, с аспектами, связанными с согласием, но изучать их отдельно”⁵². Аргументация имеет дело с убеждением, но никак не с истиной, и это – метод, который является основополагающим для публицистики, политических и юридических речей, философских трактатов⁵³.

Налицо противоречие. Первоначальный пафос “новой риторики”, направленный против традиции, приписывающей “наукам о духе” преимущественно интуитивный метод постижения действительности и, соответственно, подрывающей фундаментальное положение о единстве человеческих познавательных способностей, срывает с обратным результатом. Провозглашая принципиальную независимость степени убедительности тезиса для аудитории от истинности этого тезиса, “новая

⁴⁹ Там же, с. 39.

⁵⁰ Кроме работы Холлингворта, к которой апеллирует сам Перельман (Hollingworth H.L. *The Psychology of the Audience*, N.-Y., 1935), сошлемся на сборник *Perspectives of Argumentation*, ed. by G.R. Miller, Nilsen T.R. – Chicago, Atlanta, Dallas, Palo Alto, Fair Lawn, N.-Y., 1966.

⁵¹ См. Perelman Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*, с. 137.

⁵² Там же.

⁵³ См. там же, с. 142.

риторика" углубляет пропасть между естествознанием и обществознанием, лишая последнее объективных оснований и окончательно возвращаясь к доплатоновскому, софистическому пониманию риторики. По собственному признанию Перельмана, это риторика, предназначенная для толпы⁵⁴. Правда, предлагается разработать аргументы и для аудиторий другого типа, поскольку со сменой аудиторий меняется и аргументация. Однако на разных уровнях техника аргументации остается той же, а мечты Платона о риторике для философов⁵⁵ остаются мечтами – утопией, реально мыслимой лишь для богов⁵⁶.

Пытаясь снять противоположность между истинностью и убедительностью, Перельман вводит представление об "универсальной аудитории", в которой согласие слушателей может быть обеспечено лишь при привлечении истинных (имеющих объективную значимость) высказываний. Казалось бы, при этом сфера аргументации (убеждения) должна совпасть со сферой истины (логики). Однако истина сама оказывается производной от природы универсальной аудитории, поскольку критерий ее объективности в свою очередь связывается с принятием тех или иных высказываний со стороны адресатов. Универсальная аудитория выполняет роль своего рода априорной предпосылки, замыкающей знание на субъекте. Она "...никогда не существует актуально; это идеальная аудитория, мысленная конструкция того, кто на нее ссылается"⁵⁷. Такой подход напоминает "априори коммуникативного общества" К.-О. Апеля, динамическую абстракцию, призванную обеспечить общезначимость человеческого понимания⁵⁸. Однако, в отличие от немецкого мыслителя, пытающегося в семиотически трансформированном виде сохранить некоторое подобие единого "трансцендентального" субъекта коммуникации (идеального сообщества), у Перельмана "...так называемая 'универсальная аудитория' изменяется с каждой эпохой и личностью: каждый создает свою идею универсальной аудитории"⁵⁹. Если у Апеля все типы языковых игр в той или иной мере присутствуют в априори универсального коммуникативного общества, обогащая его, то у Перельмана, наоборот, – каждая частная аудитория несет в себе черты универсальной. Сам Перельман считает такое отношение диалектическим, критики же этой концепции предпочитают называть его неопределенным⁶⁰.

⁵⁴ См. там же, с. 139.

⁵⁵ См.: Платон. *Федр*, 274, е.

⁵⁶ Perelman Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*, p. 140.

⁵⁷ Там же, с. 169.

⁵⁸ См.: Apel K.-O. *Die Kommunikationsgesellschaft als transzendente Voraussetzung der Sozialwissenschaften. – Transformation der Philosophie*, Bd. 2. *Das A priori der Kommunikationsgesellschaft*, Ffm., 1973, с. 220 – 263.

⁵⁹ Perelman Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*, p. 169.

⁶⁰ См.: Брутян Г.А. *Очерки по анализу философского знания*, с. 81; Агаян П.Ц. *Критический анализ современных буржуазных концепций аргументации*, с. 80.

Не объективность, а дискурсивность обеспечивает рациональность методу общественных наук в "новой риторике". Аргументация сама по себе всегда относится к дискурсивному способу достижения согласия с сознанием, используя технику, основанную на языковых способах убеждения⁶¹. При этом единственно приемлемое для риторики коммуникативное использование языка противопоставляется некому коммуникативному его функционированию (язык как прямое действие)⁶². Эта оппозиция, тяготеющая к ричардсовскому противопоставлению символической и эмотивной функций языка⁶³, характерна для ортодоксального неопозитивизма с его линейным пониманием языка как совокупности символических цепочек. Однако уже С. Лангер предложила трактовать эмотивную функцию как символическую, введя понятие презентативного (нелинейного) символизма, функционирующего наряду с символизмом дискурсивным⁶⁴. Перельманово расширение сферы рационального ориентируется на юридический способ аргументации, основанный на примерах, прецедентах, интерпретации и взаимном соотнесении противоположных суждений⁶⁵. Отношение его к принципу линейности неопределенно. Но очевидно, что в случае противопоставления этому принципу аргументативный дискурс не выполнял бы своей основной функции связующего звена между естественнонаучным и гуманитарным способом обоснования.

Здесь – одна из проблематичных точек концепции. Представление о дискурсивности, которым она оперирует, само подлежит уточнению. Ведь коммуникативные возможности не исчерпываются значениями его знаков; в большей степени они определяются совокупностью межзнаковых отношений, составляющих общую структуру языкового сообщения.

Первый результат осознания необходимости конкретного изучения этих отношений – античные теории стили, исторически предвалявшие современную стилистику. Мы упоминали о них выше.

Структурный анализ моделирующих возможностей языкового текста, предпринятый стилистикой⁶⁶, позволяет преодолеть ограниченность традиционных риторических схем, унаследованную психологическим направлением. Установка на эмпирическое определение связей между дискурсом и конкретными типами аудиторий отходит на второй план по сравнению с мощным движением от риторики к стилистике,

⁶¹ Perelman Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*, p. 140.

⁶² Там же.

⁶³ См.: Ogden C.K., Richards I.A. *The Meaning of Meaning*, L. – N.-Y., 1936, с. 149 – 150.

⁶⁴ См.: Langer S. *The Philosophy in a new Key*, Cambr. (Mass.), с. 96 и далее.

⁶⁵ Perelman Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*, p. 141.

⁶⁶ См.: *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX*; Якобсон Р. *Лингвистика и поэтика. - Структурализм: „за“ и „против“*. М., 1975 и др.

характеризующимся переходом от внешней описательности к "глубокому анализу языковых функций"⁶⁷.

Современная стилистика делится на стилистику текста и стилистику языка, включающую в себя три направления исследований: описательное, целью которого является изучение языковых стилистических средств, находящихся в распоряжении автора: функциональное, направленное на выделение правил использования этих средств в зависимости от потребностей коммуникации; генетическое, ориентированное на конкретные социокультурные и психологические особенности, определяющие язык данного автора⁶⁸.

Активное вовлечение внеязыковых реалий в сферу изучения стилистики приводит к вычленению дополнительных внутритекстовых связей, образовавшихся на основе языка, но не сводящихся к нему. Лингвистика перерастает в транслингвистику. "Отправной точкой для построения транслингвистических систем служит естественный язык, речевая деятельность (langage); однако эти системы не совпадают с языком..."⁶⁹. Объектом транслингвистики является дискурс, но при этом современное структурное представление о дискурсе принципиально противопоставлено понятию линейности. Оно восходит скорее к первоначальному смыслу латинского слова *textus* (ткань, сплетение), подразумевающему не только содержательную, но и структурную образность (презентативность) гуманитарного текста⁷⁰. Подобный текст предполагает целостное, "схватывающее" восприятие, размывая границу между *ratio* и *intuitio* и, таким образом, ставит под сомнение программу Перельмана, нацеленную на исключение интуиции из сферы дискурсивного познания, объединяющего логику и риторику.

Столь же неоднозначно решается вопрос о возможностях истинностной оценки риторического рассуждения. На первый взгляд, положение "новой риторики" о независимости риторической аргументации от истинности защищаемого тезиса отвергается легко. Ведь лингвистика текста направлена на изучение референциальной функции отрезков

⁶⁷ Гиро П. указ. соч., с. 41.

⁶⁸ Там же, с. 40 - 41.

⁶⁹ Барт Р. Лингвистика текста. (Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII, М., 1978, с. 443).

⁷⁰ В русле французского структурализма дискурс определяется как "любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство, с точки зрения содержания передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку (*langue*)". Там же, с. 443-444. Понятию дискурса в общем соответствует "вторичная моделирующая система", представление о которой впервые было введено советскими семиотиками в 1962 году. См. Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М., 1962, а также Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь (Семиотика, М., 1983, с. 492).

текста (от предложения и выше), а потому может показаться, что “признавая за ситуацией, на которую ориентирован связный текст, статус полноправного компонента его структуры”⁷¹, транслингвистика вплотную приближается к постановке вопроса об истинности аргументативного дискурса. Однако, на самом деле, даже с включением внеязыковой ситуации в структуру текста, вопрос об истинности остается все еще открытым, так как это включение ограничивается уровнем семиотической прагматики, которую интересуют скорее условия “хорошей коммуникации”, чем истины как таковой. Так что Перельман, собственного говоря, прав, утверждая, что техника словесного убеждения в принципе нейтральна к истинности аргументируемого тезиса. С другой стороны, однако, противопоставление естественнонаучных и гуманитарных дисциплин в оппозиции “истинное – убедительное” не имеет достаточных оснований, поскольку естествознание, рассмотренное “само по себе”, столь же нейтрально к истине, взятой в ее традиционном понимании, сколь нейтральна к ней риторическая техника. “Чистая наука” удовлетворяется внутринаучными критериями оправданности знания, такими, как верифицированность, логическая непротиворечивость, полнота и т.п. А это критерии, интерпретация которых в терминах традиционного понимания истинности как соответствия объективной реальности вовсе не обязательна. Свидетельство тому – семантическая концепция истины А. Тарского, толерантизм Р. Карнапа, разнообразные формы конвенционализма и теории когерентности.

Естественно, что практическая установка на истину наличествует у каждого серьезного естествоиспытателя. Но столь же естественно наличествует она и у представителей гуманитарных наук. Разница заключается лишь в том, что процедуры, позволяющие соотнести искомый тезис с реальностью, значительно сложнее в области гуманитарной культуры. Природа культуры такова, что механизм истинности срабатывает здесь, как правило, на интуитивном уровне⁷².

Из сказанного вовсе не следует невозможность рационального описания этого механизма. Наоборот – разработка эксплицитных канонических референции и рефлексия над их основаниями являются непосредственными задачами методологии и философии культуры. Так же, как теоретическая постановка вопроса о соответствии научного знания и объективной реальности – дело методологии и философии науки.

Истина не может быть технической проблемой – это проблема

⁷¹ Барт Р. указ. соч., с. 448.

⁷² Подробнее см.: Восканян А. В. Практически-духовная природа философского знания и аргументация в философии. (Философские проблемы аргументации, Е., 1986). его же, «Գեղարվեստական և քաղաքական հասկացությունների և իմացարանական տեսանկյունները (հսթետիկայի հարցեր, սր. 3, Ե., 1987).

философии. “Рождение аргументации из духа риторики” невозможно без ответа на этот неизбежный вопрос. Так что, если современная теория аргументации не склонна элиминировать из аргументативного процесса его основополагающее ядро, она вынуждена обратиться к философии.

Для тех, кто удерживает в памяти метаморфозы риторики в античном мире, этот вывод не должен выглядеть неожиданным. Метания Платона между “хулой и хвалой”, неожиданная философская загруженность казалось бы “неметафизических” трудов Аристотеля выражают общую тенденцию, характерную для античной культуры, сохраняющей подспудное тождество слова и мысли, явленное в Логосе⁷³.

Мы видели, что основное направление, намеченное в риторике Аристотеля, – содержательное обогащение логики, – привело к топике и диалектике. Содержательная логика античности, претерпев в течение веков длиннейший ряд превращений, вплотную приблизилась к философскому методу в нашем его понимании. И это естественно: ведь проблема логики, поставленная с учетом содержательных характеристик последней, есть проблема метода. Современная теория аргументации формируется в процессе конкретизации этой проблемы на материале дискурсивных способов представления и обоснования знания. Изучением их занимается целый комплекс дисциплин, охарактеризованных выше. Это психологическая теория аргументации, отдельные направления стилистики, транслингвистика, семиотика и др.

Качественное и количественное разнообразие специальных регионов знания, сформировавшихся в лоне риторики, делает неизбежным вопрос об их синтезе. Можно ли говорить о современной (или даже будущей) теории аргументации как о целостной системе знаний, объединяющей разные области исследования в теоретическое единство многообразия, или же следует ограничиться ни к чему не обязывающей констатацией комплексной природы этого, оставшегося “виртуальным”, единства, – констатацией, при которой каждая из отдельных областей претендует на роль более или менее общей теории аргументации, но ни одна из них не является таковой в совершенной мере?

Подобный синтез может быть только философским. Но тогда он должен определяться природой общефилософской концепции, в рамках которой разрабатывается соответствующее содержательное учение о мышлении – логический метод.

---

⁷³ Чеканную характеристику ситуации, при которой философия и риторика выступают не просто как конституанты античной культуры, а как феномены, отождествляющие себя с принципом этой культуры в целом, а посему стремящиеся “восстановить нераздельность мысли и слова, истины и убедительности на своей собственной основе, т.е. поглотить свою соперницу и вобрать ее в себя”, см. в уже упоминавшейся статье С. С. Аверинцева: *Античный риторический идеал и культура Возрождения (Античное наследие в культуре Возрождения, М., 1984, с. 46)*.

Выше мы уже отмечали, что “новая риторика” Х. Перельмана, несмотря на свое тяготение к юридической парадигме рассуждения и прагматическому психологизму, философична по сути своей, поскольку ставит проблему метода общественных наук. Здесь мы имеем дело с подходом, свойственным аналитической философии.

Принципиально иное понимание проблемы имеет место в феноменологической традиции, где противопоставление методов естествознания и обществознания снимается через придание фундаментального значения понятию понимания и разработку философской герменевтики (Дильтей, Хайдеггер, Гадамер и др.). В качестве альтернативы линейной аргументации классического сциентизма здесь выступает аналитический дескриптивизм, примененный к сознанию (Гуссерль) или бытию (Хайдеггер).

Содержательная логика философии, опирающейся на анализ практической деятельности общественного человека, есть диалектика. В этом контексте философская теория аргументации может быть определена как диалектика вербальных способов достижения убеждения в процессе коммуникации. Тем самым, она выступает в качестве прямой наследницы античной традиции, неразрывно связанной диалектику со всем многообразием форм словесного общения.

Специфика подобного понимания диалектики обусловлена анти-спекулятивным характером современной философии, отказывающейся от дедуктивного построения умозрительной системы категорий и концентрирующей свое внимание на содержательном исследовании и преодолении трудностей, возникающих в процессе развития различных способов освоения действительности. Диалектический подход к теории аргументации вовсе не предполагает построения некоей обобщающей метатеории – логики или абстрактного каркаса категорий, рассчитанного на подстановку в него данных конкретных исследований, а тем паче – дедуктивное выведение отдельных “риторических” дисциплин в качестве составляющих генеральной системы.

Цель философской теории аргументации – содержательный анализ, уточнение, соотнесение и установление статуса понятий и процедур, используемых в различных областях знания при изучении структуры и закономерностей функционирования дискурса в процессе аргументации. Конечным итогом этой деятельности является разработка принципов содержательной координации комплекса дисциплин, окончательно отпочковавшихся от традиционной риторики и вполне сохраняющих свою самостоятельность вне теории аргументации.

ՀՈՒՏՈՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՓԱՍՏԱՐԿՄԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆԸ

ՈՍԿԱՆՅԱՆ Ա.Վ.

Ամփոփում

Պատմափիլիսոփայական վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ Հոստորության և տրամաբանության հարաբերությունը համակողմանի բնույթ ունի, քանի որ ցանկացած Հոստորական տեսության նպատակն է կամ ընդլայնել տրամաբանության համակարգը, կամ լրացնել այն, իսկ ծայրահեղ դեպքերում տրամաբանությունը փոխարինել Հոստորությամբ: Խ. Պերելմանի «Նոր Հոստորությունը» հոմանիտար իմացության յուրահատուկ մեթոդի մշակման մի փորձ է: Վերլուծական փիլիսոփայության շրջանակներում: Այդ մեթոդի հարաբերությունը բնագիտությանը երկակի է. մերձեցում դիսկուրսիվության և տարանջատում ճշմարտության գծով: Բայց ճշմարտությունն ինքնին փիլիսոփայական Հիմնահանգի է և կապված է տրամաբանության բովանդակային մեկնաբանության հետ: Վերջին հանգամանքն արդիականացնում է պատմական առնչությունները Հոստորության և դիալեկտիկայի միջև: Իսկ արդի դիալեկտիկան կարող է միայն հակասակոլլատիվ լինել. այն հրաժարվում է մտահայեցողական կառույցներից և կենտրոնանում հաղորդակցման ընթացքում առաջացող դժվարությունների բովանդակային վերլուծության վրա: